

НИНА ДЕ ПАСС

Тод без медз

В ПЕРЕВОДЕ
ДИНЫ КЛЮЧАРОВОЙ

МОСКВА

АЗБУКА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
П 19

Nina de Pass
THE YEAR AFTER YOU
Copyright © Nina de Pass, 2019
All rights reserved

Originally published in the English language
as THE YEAR AFTER YOU by INK ROAD PUBLISHING,
an imprint of BLACK & WHITE PUBLISHING LTD.

Перевод с английского Дины Ключаревой
Оформление обложки Виктории Манацковой
Печатается с разрешения INK ROAD PUBLISHING
при содействии литературного агентства Nova Littera SIA
Книга подготовлена совместно издательствами
Строки и «Азбука».
Текст публикуется в редакции издательства «Азбука».

ЧИТАЙТЕ
В КИОН СТРОКАХ

ISBN 978-5-389-30035-4
ISBN 978-5-00216-440-0

© Д. Ключарева, перевод, 2023
© Издание на русском языке.
Строки, перевод, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Если бы я знала, что в изгнании будет настолько холодно, то нашла бы в себе силы воспротивиться этой затее. Но даже если бы кто-то и выслушал меня сейчас, протестовать уже поздно: я слишком далеко от дома.

Минуты текут, и я смотрю, как за окнами такси ветер подхватывает мягкие липкие хлопья снега и те, летевшие было к земле, снова устремляются вверх.

В аэропорту меня встретил нанятый мамой водитель. Кажется, он думает, что я онемела от восторга, и решается завести беседу.

— Предвкушаете учебу в новой школе? — спрашивает он. Из-за сильного французского акцента слова звучат неразборчиво.

Я отвечаю не сразу, сначала провожу пальцем по запотевшему стеклу. И не пытаюсь скрыть усмешку в голосе, поскольку знаю, что между нами языковой барьер и водитель все равно ничего не поймет:

— *Предвкушаю?*

Сама не знаю, почему отвечаю вопросом на вопрос. Я не хочу говорить с ним, не хочу, чтобы какие-то из его слов врезались мне в память. Хочу забыть о нем, как хочу забыть обо всем остальном.

Он нервно посмеивается и снова начинает:

— Вы впервые в Швей...

Закончить вопрос ему не удастся. Оцепенев от ужаса, я смотрю, как он выкручивает руль, машина уваливает с пути встречного грузовика и оказывается у самого обрыва узкой серпантинной дороги. Ничто не отделяет нас от таящейся внизу бездны, и я, вцепившись в ручку двери, чувствую, как каменеет все мое тело. Когда на обледеневшем шоссе машину заносит вправо, во мне каменеет каждый мускул. Я закрываю глаза в ожидании удара. Время замедляется, и я жду, когда зазвучат крики. Когда мир превратится в размытое пятно. Когда с оглушающим хлопком раскроются подушки безопасности. Когда придет боль.

На долю секунды меня охватывает эйфория. Может, хоть в этот раз я не выживу.

Но нет — я чувствую, как машина забирает влево, прочь от опасности, и, услышав нервный смешок водителя, возвращаюсь в реальность. Он запоздало сигналил — грузовик уже далеко и превратился в точку, — и я замечаю, что он поглядывает на меня в зеркало заднего вида.

— Бешеные водители, — говорит он с извиняющейся улыбкой.

Ответной улыбки ему не достается — я нервно провожу пальцами по потертому краю ремня безопасности и бросаю на него свой самый суровый взгляд.

— Следите за дорогой, — отрезаю я.

Водитель еще несколько раз пробует вовлечь меня в разговор, но теперь я просто игнорирую его, даже не пытаюсь скрыть неприязнь. Я не свожу глаз со швейцарских гор за окном, стараясь вернуть к жизни онемевшие от страха конечности. Пытаясь не думать о том, что могло бы случиться. Или о том, что

какая-то часть меня сразу же обрадовалась такой возможности.

Вместо этого в голове возникают воспоминания, как восемь месяцев назад я проснулась в калифорнийском госпитале от звука голосов. Мама и одна из медсестер старались — довольно безуспешно — говорить негромко.

— Доктор Бернс, психиатр вашей дочери, настаивает, чтобы мы поддержали Кару здесь еще несколько дней и понаблюдали за ней, — сказала медсестра.

Мама, вероятно раздраженная перспективой оставить меня здесь еще на пару дней, — ведь госпиталь был в часе езды от нашего дома, — угрюмо ответила:

— С какой стати ей здесь оставаться? Ее физические травмы, как сегодня утром сказал доктор, довольно незначительные. То, что она отделалась одним переломом руки, — вообще чудо. Она жива, а теперь еще и достаточно здорова, чтобы вернуться домой, — туда-то она и поедет.

— В этом и дело, миссис Купер...

— Миссис Блэр, — перебила ее мама, как она делала всегда, если кто-нибудь обращался к ней по фамилии моего отца. После того как он ушел из семьи, она вскоре снова вышла замуж, но даже в период «безмужья», как я называю те месяцы, она пользовалась девичьей фамилией.

— Простите, миссис Блэр, — снова заговорила медсестра, — но доктор Бернс не уверена, что Кара *полностью* здорова. Она опасается, что у вашей дочери суицидальные мысли.

Я живо представляю, как, услышав такое, мама в ужасе распахнула глаза и осмотрелась по сторонам — нет ли поблизости кого-нибудь из наших знакомых.

— Моя дочь *не думает* о суициде!

К чести медсестры, ее голос не дрогнул:

— Вполне возможно, что ваша дочь страдает от посттравматического стрессового расстройства. Кара пережила очень серьезную трагедию.

Пока мама переваривала слова медсестры, в комнате повисло молчание.

— Это психическое заболевание, — продолжала медсестра.

— Я знаю, что это такое, просто не хочу больше об этом слышать, — вставила мама. — Я ее законный представитель, так что дайте мне все бланки, которые я должна подписать, чтобы забрать ее отсюда. Психическое заболевание. *Ну вы даете.* Она шокирована, а не душевно больна.

— Это будет нарушением предписания ее лечащего врача, — предупредила медсестра. — Вам нужно будет подписать бланк отказа от медицинской помощи.

Мать ответила резко — про шепот она уже забыла:

— Так дайте мне этот бланк.

Сейчас, спустя столько времени, в голове всплывают всего две фразы из того спора. Во-первых, мои травмы называли физическими. Физическая боль в руке, сломанной в четырех местах, была ничем в сравнении с той болью, которую я испытываю каждый день, когда вспоминаю, что *еще* сломалось той ночью, — то, чего не починить с помощью металлических болтов. Во-вторых, эту травму и бесчисленные синяки, покрывавшие мое тело, называли незначительными. То происшествие не было незначительным, и говорить о нем так значило не воспринимать его всерьез, делать вид, что, в общем-то, ничего страшного не случилось.

Однако сейчас я думаю, что мне, возможно, стоило сконцентрироваться не на том, какие чувства вызвал у меня тот спор, а на том, о чем в действительности шла речь. Да кому, в конце концов, *хочется* умереть в семнадцать лет? Знаю одно: я не могу позволить себе быть таким человеком. Просто не могу.

Мои глаза прикованы к переднему сиденью. Я больше не рискую смотреть в окно на проносящиеся мимо пейзажи. Сам факт, что я уже проделала такой длинный путь, — практически чудо. Тем не менее я почти на грани и испытываю облегчение, заметив, что ход машины замедляется. Как только мы останавливаемся, я выскакиваю из нее и прячу руки за спину, чтобы водитель не увидел, как они дрожат.

— Приехали, — говорит он и указывает на большое здание.

Оно больше похоже на дворец русских царей, чем на школу: плоский, небесно-голубой фасад как минимум в шесть этажей, на крыше — три золотистых купола. Остатки той же золотистой краски видны и на симметричных старомодных оконных рамах, а над окнами первого этажа нависают маркизы в мятно-зеленую и белую полоску. Я поворачиваюсь спиной к этому вычурному строению и осматриваюсь. Справа от меня — станция фуникулера. Я следую взглядом вдоль каната, на котором неподвижно висят неработающие кабинки, — его конец теряется в глубине маленького городка у подножия ближайшей горы.

Теперь, когда обе мои ноги стоят на твердой земле, спуск между двумя вершинами уже не кажется таким рискованным. Впрочем, сама школа производит довольно неоднозначное впечатление: она стоит в опасной близости к обрыву, от которого ее отделяет одна лишь голубая кованая ограда высотой по пояс. Я отмечаю, до чего изящны ее металлические

изгибы, но все же она здесь выполняет скорее декоративную функцию, чем защитную.

— Помочь вам занести вещи? — спрашивает водитель, выгружая мой багаж.

— Я сама справлюсь, — торопливо отвечаю я и, выхватив у него свою единственную дорожную сумку, закидываю ее на плечо. В последний момент я все-таки оглядываюсь и неуверенно бормочу: — Спасибо.

Вид у него обалдевший, так что я разворачиваюсь и иду ко входу в здание. Вскоре я вижу двух встречающих, девушку и парня, — оба примерно моих лет. У девушки длинные темно-рыжие волосы, ниспадающие на плечи. Кожа у нее бледная, как у меня, но усыпана веснушками. Стоящий рядом долговязый парень выше девушки почти на голову, но у него по-детски округлое лицо и белокурые волосы.

— Давай сюда, — говорит парень, показывая на мою сумку. Выговор у него странный, непривычный, с каким-то иностранным акцентом, вероятно скандинавским.

— Я сама, — возражаю я и тут же жалею о своих словах. Именно от такого поведения меня и предостерегала мама. «Начнешь жизнь с чистого листа, — убеждала она. — Там тебя никто не знает — ты сможешь снова стать прежней». Эти слова отбили у меня последнее желание сопротивляться. Ей не хуже меня известно, что как прежде уже не будет. И все-таки перед этими незнакомцами я решаю притвориться нормальной, пусть до конца и не понимаю, как мне это проверить. Улыбаться я не могу, поэтому просто стараюсь изобразить самый доброжелательный вид из всех возможных.

— Добро пожаловать в Хоуп-холл, — говорит девушка.

2

— Все в оранжерее, поэтому так тихо, — говорит девушка с едва заметным, почти неуловимым французским акцентом. — Кстати, я Рэн, а это Фред. — Она указывает на высокого блондина, который неловко взмахивает рукой, но тут же опускает ее, будто передумал.

— Кара, — представляюсь я, и они синхронно кивают. Мое имя они и так знают: их назначили моими встречающими. Интересно, думаю я, что еще им обо мне известно?

— Как я уже сказала, все заняты домашкой, так что сейчас идеальное время для экскурсии.

— Домашкой?

— Ой, прости! Я все время забываю, что некоторые наши местные словечки звучат странно, — восклицает Рэн, похоже искренне оживившись. Я невольно думаю, что она удивительно хороша собой — просто красота ее незаурядна. Ее фарфоровые щеки тронуты румянцем из-за ожидания на холоде — только он и расцветчивает ее безупречную кожу. Она невысокого роста, лицо у нее худое, а круглые, шоколадно-карие глаза придают ей взволнованный вид. — Боже, прости, ты из-за меня сейчас еще не уютнее будешь себя чувствовать! Мало того что ты новень...

— Рэн, расслабься, — говорит Фред. Он настолько высок, что рядом с ним она кажется малюткой. Фред сопровождает свои слова резкими, довольно нелепыми движениями рук, будто не знает, что делать с такими длинными, тонкими конечностями.

— Прости, — говорит она, — я всегда болтаю со скоростью миллион слов в час, когда нервничаю...

— Домашкой мы называем домашнюю работу, — неожиданно деловито вставляет Фред, по всей видимости спасая ее от необходимости пускаться в многословные объяснения. — Ее делают каждый день между семью и восемью часами вечера. Все ученики занимаются в оранжерее, так что у нас есть примерно сорок пять минут, чтобы спокойно обойти здание. Кажется, нам пора выдвигаться. Оставь здесь сумку, мы вернемся за ней чуть позже.

Рэн, чуть поодаль от нас, с благодарным видом наблюдает, как я спускаю с плеча сумку и вслед за Фредом углубляюсь в недра школы.

Сорока пяти минут и близко не хватит, чтобы обойти это место. Мы начинаем с первого этажа и шагаем по темному паркету к учебным комнатам. Впечатление они производят такое же, как и сама школа: ни капли заурядности. Каждый класс разительно отличается от других: странная, старомодная мебель — примерно десять парт на класс — в каждой комнате расставлена по-своему, камин или дровяная печь в помещениях до самого вечера сохраняют тепло.

У этой школы нет ничего общего с той, к которой я привыкла, — ни металлодетекторов, ни регулярных досмотров личных шкафчиков, ни пластиковых стульев, ни белых коридоров. Это сбивает с толку,

меняет все мои представления о мире, и мне с трудом удается сохранять спокойствие.

В конце концов мы выходим в большой квадратный двор, который располагается позади школы, — он покрыт блестящей коркой льда. Я обнаруживаю, что само здание имеет П-образную форму и двор находится в середине этой самой П. С трех сторон его окружает шестиэтажная постройка, а четвертая сторона граничит с затемненной территорией. К ней ведет подсвеченная дорожка, что виднеется за каменной аркой в центре. Я наконец понимаю, что имелось в виду под оранжереей. Задняя стена средней части здания сделана из стекла: пять из шести этажей — это сотни окон. То тут, то там вместо прозрачных стекол вставлены цветные. Из окон льется свет, и я вижу за ними огромную, старомодного вида библиотеку, которая не разделена на этажи.

— Это оранжерея, — говорит Фред.

Я чувствую, как он пристально смотрит на меня, когда я киваю и отворачиваюсь от бесчисленных взглядов, вне всяких сомнений направленных в нашу сторону.

— Сколько человек здесь учится?

— Чуть больше двухсот.

— Совсем немного, — говорю я. — Дома даже в параллели больше учеников.

— Это не единственное отличие, вот увидишь.

— Спортзал вон там, — говорит Рэн и ведет меня к каменной арке, указывая на современное здание вдаль, — за густыми зарослями деревьев его почти не видно. — А здесь столовая. — Она с усилием толкает двойные двери, но те не поддаются. — Черт.

Фред отбегает к окну оранжереи и машет кому-то, а я растираю ладони: мороз здесь кусачий.

— В это время года снега почти не бывает, — говорит Рэн, разводя руками. Вокруг нас лениво порхают мелкие снежинки, которые начинают скапливаться на оконных карнизах. — Обычно зелень держится до ноября.

Рядом снова возникает Фред, и в этот самый момент распахиваются двери.

Нам открывает темноволосый парень.

— А-а, да это же наша новая заключенная, которую перевели из Штатов, — произносит он негромко, явно вкладывая в свои слова какой-то особый смысл. Я проскальзываю мимо него в тепло и по-настоящему вглядываюсь в его лицо только тогда, когда мы уже внутри. Он рослый, у него загорелая кожа, высокие скулы и болотно-зеленые глаза. На мгновение мне кажется, что мы уже знакомы, но я отбрасываю эту мысль, ведь я явно вижу его впервые.

— Ты же из Калифорнии, да? — уточняет он, в упор глядя на меня.

Я отвечаю кивком и отвожу взгляд, и Рэн торопливо представляет нас друг другу:

— Кара, это Гектор. Наш ровесник.

— Привет, — недружелюбно бормочу я себе под нос.

— Ладно, давайте двигать. Нам еще нужно успеть до спален добраться, прежде чем все вернется с домашки, — говорит Рэн. Я рада, что она сменила тему. Хотя тот парень больше ничего не говорит, я чувствую, что он приглядывается ко мне. В голове мелькает мысль предупредить, что со мной ему не светит ничего хорошего.

— Ты права, — соглашается Фред и, обернувшись, по-братски хлопает того парня по плечу. — Спасибо, Гек.

Небрежно отмахнувшись от него, Гектор уходит в сторону оранжереи. И бросает через плечо все так же громко, что, на мой взгляд, слишком самонадеянно, ведь мы точно услышим его слова:

— Ради тебя, Фред, — что угодно.

Он уходит, и я с облегчением поворачиваюсь к столовой. Ее стены обшиты толстыми панелями из темного дерева, и все пространство заполнено десятками круглых столов, застеленных сине-золотыми скатертями, — они уже сервированы для завтрака. Я осматриваюсь в поисках буфета, ожидая увидеть стопки подносов, кассы... хоть что-нибудь привычное. Но ничего подобного здесь нет. Такое чувство, будто я попала в ресторан.

Фред, кашлянув, говорит:

— Мы едим в восемь утра, в двенадцать тридцать и в шесть вечера. О, а еще в оранжерее после обеда чаепитие, которое — можешь у директора спросить — игнорировать нельзя.

Я удивленно вскидываю брови.

Он впервые одаривает меня легкой улыбкой.

— Сама поймешь. Короче, Рэн проводит тебя в спальню — мне в крыло девочек нельзя, так что увидимся позже.

— О'кей, спасибо, — вяло отвечаю я.

Когда он пропадает из поля зрения, меня охватывает глухой страх. Экскурсия почти закончена, и реальность подступает все ближе. Этой реальности со всеми новыми людьми, местами и правилами не избежать. Вернувшись в холл, я подбираю свою сумку и следую за Рэн к старомодному лифту, который представляет собой золотистую клетку в центре огромной лестницы, что вьется вокруг него, словно ручеек. Она вызывает лифт и замечает, что я замерла в полшаге от него.

— Все в порядке? — спрашивает она.

— На какой этаж нам надо? — Я не свожу глаз с лестницы. — Мы можем... — От стыда голос срыгается, и я так и не заканчиваю фразу.

Ее лицо принимает озадаченное выражение — буквально на секунду, пока с бряцаньем не подъезжает лифт, — и тогда Рэн показывает на мою сумку и говорит:

— Давай сюда, отправим ее вверх на лифте.

Забросив сумку внутрь, она закрывает дверцу, и мы смотрим, как кабина уезжает вверх.

Рэн устало плетется по лестнице, и я иду за ней, испытывая восхищение. Многим ли хватило бы такта не спрашивать, почему я не хочу заходить в лифт? Решаю, что буду вести себя приветливее хотя бы с ней, ведь она не жалуется, что нам приходится взбираться на шестой этаж пешком.

— Слева парни, — тяжело дыша, сообщает она и вытаскивает из лифта мою сумку. — Справа — мы.

Мы сворачиваем в девчачье крыло — перед нами длинный коридор со множеством дверей, на полу синяя ковровая дорожка. На каждой двери — печатная карточка с именами жильцов комнаты. Рэн ведет меня в самый конец коридора, где на карточке под одним-единственным напечатанным именем — *Берэнис де Лер* — от руки нацарапано и мое.

— Ты со мной, — говорит она, внимательно наблюдая за моей реакцией. — Надеюсь, ты не против?

— Значит, короткую соломинку вытащила ты? — безучастно спрашиваю я. Дурацкая, неубедительная попытка пошутить.

Она пропускает мои слова мимо ушей.

— Мне пора идти — я помогаю укладывать младших. Ты пока вещи разбери, а я скоро вернусь.

Я растерянно смотрю ей вслед. Мне и в голову не приходило, что я буду делить с кем-то комнату. Я шагаю внутрь, и мне кажется, что я попала в чей-то загородный дом. По обе стороны комнаты высятся две двухэтажные кровати с деревянными лесенками, а в пустующее пространство под ними врезаны письменные столы. С моей стороны стол практически пуст, на нем лежит только стопка аккуратно сложенной школьной формы. Со стороны Рэн царит хаос: к пробковой доске приколото множество фотографий, которые вылезают за края рамы и заползают на стену. Я провожу по ним пальцами, касаясь лиц на снимках. Чаще всего встречается Фред, а еще — Гектор, который впустил нас в столовую. С фотографии в серебряной рамке, стоящей в центре стола, на меня смотрят двое — похоже, родители Рэн. Я отворачиваюсь. До чего же иначе будет выглядеть моя сторона комнаты, когда я разберу вещи. Я привезла только одну фотографию и не готова выставлять ее на всеобщее обозрение.

Я не спеша распаковываю вещи, распрямляю брюки на вешалке и ставлю туфли в шкаф так, чтобы они стояли ровно, как по линейке. Судя по тому, что за дверью раздается громкий галдеж, с домашкой покончено.

Примерно через полчаса после ухода Рэн я слышу настойчивый стук в дверь и даже не успеваю откликнуться, как она распахивается. В комнату заходит пухлая пожилая женщина.

— Ты, должно быть, Кара, — говорит она с австралийским акцентом. Голос у нее твердый и скрипучий. На секунду я задумываюсь, не окажется ли она одной из тех ненавистных училок из книг, что я читала в детстве. Но когда мы встречаемся

взглядами, ее черты смягчаются. У нее васильково-голубые глаза — молодые и озорные, несмотря на морщины и короткие седые волосы.

— Меня зовут мадам Джеймс, я здешний комендант. Буду обеспечивать тебя всем необходимым, пока ты у нас тут живешь. Прости, что не смогла тебя встретить. Надеюсь, Рэн и Фред уже провели экскурсию.

— Да.

— Рэн — хороший компаньон. Она о тебе позаботится. — Мадам Джеймс показывает на стопку вещей на моем столе. — Вижу, что тебе уже принесли форму, — это хорошо. Обо всем остальном тебе расскажет Рэн. Но если у тебя возникнут вопросы, да и вообще, если что-то будет тревожить, обращай ко мне. Моя комната находится прямо под вашей, на пятом этаже, и моя дверь всегда открыта. — Она наклоняет голову вбок, окидывая меня взглядом, в котором сквозит что-то сродни жалости; я сразу отвожу глаза. — Главное, чтобы тебе здесь было хорошо. Ты пробудешь в нашей школе не так уж долго, но мы постараемся выжать из этого времени максимум.

— Я здесь на целый год, — говорю я, не поднимая глаз.

— Дорогая, он пролетит незаметно. Год — это вообще ничто.

На моем лице, кажется, невольно проступает кислая гримаса. Год — это *все*. Когда я думаю обо всем, что случилось за последний год... Когда думаю о том, как долго тянулись последние несколько месяцев...

Рэн открывает дверь, и мадам Джеймс воспринимает это как сигнал к выходу. Я чувствую, что между ними происходит немой разговор, и, отвернувшись, принимаюсь перебирать школьную форму.

Две темно-синие юбки из плотного хлопка длиной до колена — такие же, как у Рэн. Четыре белые блузки с круглым воротничком и длинными рукавами, два темно-синих джемпера и несколько пар темно-синих колготок.

— Они хорошо сидят, — приближаясь ко мне, с ухмылкой говорит Рэн. Ее взгляд теплеет. — Ты, наверное, хочешь освежиться после такой долгой дороги — пойдем, покажу тебе, где тут ванная.

Я выхожу за ней в коридор. Теперь здесь полно девчонок, которые снуют туда-сюда и галдят из-за раскрытых дверей. Когда мы проходим мимо, их смешки затихают, и я ощущаю на себе множество любопытных взглядов. Рэн, не обращая на них внимания, заходит в дверь посередине коридора. Вдоль одной стены расположен десяток раковин, вдоль другой — ряд ничем не отделенных друг от друга ванн. Ни шанса уединиться, это меня нервирует. Я ожидала, что здесь будут хотя бы перегородки.

Когда мы заходим внутрь, две девушки резко запахивают полотенца.

— Стучаться надо, — высокомерно говорит одна с явным американским акцентом.

— Сорри, — откликается Рэн, хотя тон ее на извиняющийся не похож. — Это Кара; я просто показываю ей тут все.

Недовольная девица окидывает нас многозначительным взглядом.

— Я — Джой, — наконец представляется она. — Это Ханна. — Вальяжным жестом она показывает на вторую девицу, которая наблюдает за нами с хмурым видом.

У обеих неестественно прямые темные волосы, и я опознаю в них типаж, который водится в каж-

дой школе: популярные девушки. Судя по их виду и по их взглядам, Рэн явно не в их компании. Удивительно, но я инстинктивно принимаю сторону Рэн и, вместо того чтобы дружелюбно улыбнуться, как на моем месте поступила бы любая другая, вызывающе пялюсь на них в ответ и демонстративно сохраняю молчание.

Я знаю, что они собой представляют, — кому, как не мне, разбираться в этом. Всего девять месяцев назад я была такой же. Есть что-то обнадеживающее в том, что даже в пяти тысячах миль от дома кое-что остается неизменным. Однако сейчас их заносчивость вызывает у меня отвращение. Я знаю, как это работает: они ждут моей реакции, чтобы определить для меня место в здешней иерархии и понять, стоит ли заводить со мной дружбу.

Я перевожу взгляд на Рэн:

— Душа здесь нет?

Она качает головой:

— Хочешь, я покараулю у двери?

— Ну, если вы тут запретесь, мы сообщим куда следует, — говорит Джойс и жестом подзывает вторую девицу. Проходя мимо, она кладет руку мне на плечо — полагаю, что в знак расположения. Я отстраняюсь и недовольно отряхиваюсь. Она пожимает плечами. — Хотя, может, ты пока не понимаешь, с кем связалась...

Я поворачиваюсь к Рэн, ее шоколадно-карие глаза широко распахнуты, она нервно следит за дверью, которая со щелчком закрывается за девушками.

— Это была проверка, как тыотреагируешь, — тихо говорит она, — и ты ее не прошла.

Я равнодушно пожимаю плечами:

— На мой счет можешь не переживать.

Пасс Н. де

П 19 Год без тебя : роман / Нина де Пасс ; пер. с англ. Д. Ключаревой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА ; М. : Строки, 2026. — 368 с.

ISBN 978-5-389-30035-4

ISBN 978-5-00216-440-0

Сан-Франциско. Канун Нового года. Трагическая авария после вечеринки. Кара выжила. Ее лучшая подруга Джи погибла.

Вот уже девять месяцев Кара борется с горем и хранит мрачную тайну. Чтобы дать дочери шанс начать все сначала, родители отправляют ее в Швейцарию, где никто не знает о произошедшем. Новые одноклассники не позволяют ей замкнуться в себе. Особенно Гектор, который, кажется, понимает ее, как никто другой.

Проблема в том, что чем больше Кара сближается с Гектором, тем дальше она от мыслей о погибшей подруге. Если двигаться вперед означает отпустить прошлое и принять события той злополучной ночи, то Кара застыла в нерешительности сделать первый шаг навстречу переменам. Но судьба дает ей второй шанс — нужно просто найти в себе силы.

Нина де Пасс — современная английская писательница. «Год без тебя» — ее дебютный роман.

Впервые на русском!

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

НИНА ДЕ ПАСС ГОД БЕЗ ТЕБЯ

Издательство Строки

Руководитель по контенту Екатерина Панченко

Литературный редактор Юлия Надточей

Корректоры Елена Дебова, Аркадий Лыгин

«АЗБУКА»

Руководитель редакции Анастасия Бутина

Ответственный редактор Татьяна Сажина

Художественный редактор Виктория Манацкова

Технический редактор Валентин Бердник

Компьютерная верстка Валентина Бердника

Корректоры Анастасия Новосельцева, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 03.06.2026.

Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3057 экз.

Усл. печ. л. 22,49. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т. ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68,	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде баспып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

C-SP1-39186-01-R